

МЕСТО АКАФИСТОВ В СОСТАВЕ КОРПУСА СОВРЕМЕННЫХ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ

Традиционным для литургистов является убеждение, что акафисты в массе своей не представляют интереса со стороны содержания, а в плане языка и вовсе не выдерживают никакой критики. Думается, излишне приводить здесь многократно цитировавшиеся высказывания архимандрита Киприана (Керна) об этом жанре православной гимнографии [Киприан 1999: 33–34] и сходные с ней оценки¹. Но даже если подобная точка зрения и справедлива, она ни в коей мере не отменяет следующих фактов: 1) в настоящее время известно около 660 акафистов на церковнославянском языке (включая текстологически значимые варианты); в последнее время ежегодно появляется несколько десятков новых акафистов (см. подробнее § 2); 2) в России акафисты пишутся почти исключительно на церковнославянском языке²; 3) за пределами России акафисты создаются на греческом, болгарском, сербском, румынском, английском и др. языках, при этом осуществляются разнонаправленные переводы – в том числе с церковнославянского языка и на церковнославянский язык. Все это побуждает филологов – в отличие от литургистов – уделить самое пристальное внимание жанру акафиста. Однако весьма вероятно, что со временем и литургисты смогут преодолеть сложившееся негативное отношение к акафистам и в результатах исследований своих коллег-лингвистов увидят отправные точки для собственных изысканий.

В настоящей статье мы предполагаем рассмотреть акафисты как подмножество корпуса современных церковнославянских богослужебных текстов, причем рассмотрение будет вестись в трех аспектах: 1) с точки зрения представленности акафистов в богослужебных книгах Русской Православной Церкви и

в разных сборниках гимнографических текстов – это отчасти поможет нам в описании современной богослужебной практики; 2) с точки зрения «демографической» – будет оценена скорость прироста акафистов в сравнении с другими подмножествами корпуса; 3) с точки зрения лингвистической – мы попытаемся составить представление о современных церковнославянских акафистах как источнике сведений по текущему состоянию церковнославянского языка.

§ 1. Акафисты в богослужебных книгах и сборниках

Тот факт, что богослужебным уставом предусмотрено исполнение лишь одного – Великого – акафиста, и притом только раз в году, является бесспорным. Но столь же очевидно, что современная литургическая практика находится в противоречии с предписаниями Типикона: чтение (пение) акафистов не только келейно, но и всенародно, в храме (нередко – в составе вечерни или утрени) давно стало обычным явлением. Однако, чтобы перейти от общих констатаций подобного рода к детальному анализу сложившейся ситуации, необходимы полевые исследования, которые нами не проводились. Поэтому мы постараемся извлечь максимум информации из печатных изданий – как богослужебных книг, так и молитвословов и акафистников.

1.1. Великий акафист. Его текст дан в Постной Триоди [ТП: л. 323 об. – 325 об., 326–327, 329 – 329 об.], поскольку пение Великого акафиста положено в субботу (в обычной практике – в пятницу вечером) 5-й недели Великого поста. Кроме того, Великий акафист помещен в Следованной Псалтири [ПС: 312–321].

1.2. Акафист Иисусу Сладчайшему. В той же Следованной Псалтири напечатан и акафист Иисусу Сладчайшему [ПС: 234–242]. Несмотря на то, что эта книга предназначена для келейного чтения, все же сам факт помещения в ней акафиста свидетельствует о некотором узаконении последнего³.

1.3. Акафист Николаю Чудотворцу. В стандартном «Православном молитвослове», издаваемом Московской патриархией с 1970-х гг., помимо Великого акафиста [ПМ: 56–63] и акафиста Иисусу Сладчайшему [ПМ: 48–55]

печатается и акафист святителю Николаю Чудотворцу [ПМ: 64–71]. Разумеется, молитвослов не является богослужебной книгой в традиционном понимании этого термина; не подлежит сомнению, что все тексты, помещенные в этом издании, предназначены для келейного чтения. Но при этом нельзя отрицать, во-первых, официального характера рассматриваемого молитвослова и, во-вторых, огромного воздействия (в плане языкового сознания), которое оказывают эти тексты на молящихся. Отметим также, что все три обозначенных выше акафиста содержатся и в подавляющем большинстве «неофициальных» молитвословов.

1.4. Акафист Страстям Христовым. Этот акафист занимает особое место в богослужебной практике. Униатский по происхождению [Попов 1903: 162], он был переработан свт. Иннокентием Херсонским ок. 1847 г. и в настоящее время нашел широкое употребление в составе *пассии*. Несмотря на то, что эта служба не является уставной и имеет очевидное западное происхождение, она вошла в практику многих наших приходов. В 2001 г. издательство Московской патриархии (официальное издательство Русской Православной Церкви!) выпустило книгу «Пассия», где находим и текст акафиста Страстям Христовым [Пасс.: 15–40].

1.5. Прочие акафисты. Помимо приведенных выше случаев публикации наиболее известных акафистов, можно было бы вспомнить и о «Православном церковном календаре». В этом ежегодном официальном патриархийном издании также время от времени публикуются отдельные акафисты. Однако, думается, не следует оценивать слишком высоко роль этого издания в формировании языкового сознания православных носителей русского (и пользователей церковнославянского) языка: все же календарь – не молитвослов. Впрочем, для представления о статусе текста того или иного акафиста факт публикации в официальном издании имеет немалое значение.

Но есть еще одна богослужебная книга, где упоминается акафист (вообще, как жанр). Это Требник. Предназначен он, как известно, для частного⁴, а не общественного богослужения. Тем не менее, примечательна ремарка в последовании общего молебна после 6-й песни канона: *Тѣже, ѿце хощетъ іерей, чететъ акафистъ* [Требн.: 259]. Поскольку молебен, как правило,

совершается в храме, при большом стечении народа, отсюда уже один шаг до включения акафиста в состав вечерни (великой или малой) и утрени.

Если же мы, наконец, обратимся от рассмотрения богослужебных книг и разного рода официальных изданий к изданиям самих акафистов – будь то отдельные брошюры (например, серии, издаваемые московским Сретенским монастырем, храмом Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище в Москве и др.) или солидные сборники (к примеру, [АРС], [РНН], [ВБГР] и др.), – мы увидим, что они 1) продаются православных книжных магазинах, лавках, в храмах за ящиками; 2) издаются большими тиражами – в отличие, скажем, от Октоиха или Триоди. Эти обстоятельства – пусть косвенно – свидетельствуют о том, что степень маргинальности акафистов порой сильно преувеличивается.

§ 2. Количественный аспект

Как уже отмечалось выше, к настоящему времени нам известно свыше 650 церковнославянских акафистов (не считая десятков – если не сотен – текстов этого жанра на других языках). Если учесть, что объем одного акафиста составляет в среднем 0,3–0,35 а. л., то общий листаж всех акафистов составит порядка 4000 стандартных страниц. Это приблизительно в три раза меньше объема новых Зеленых Миней. Мы привели абсолютные цифры; однако немаловажную роль играет и скорость прироста текстов того или иного жанра.

О темпе роста общего числа акафистов можно получить некоторое представление, обратившись к данным по обновлению сайта akafist.narod.ru. Автор этого сайта, Сергей Скоморохов, публикует ссылки на акафисты, выложенные в Сети. В 2003 г. (с 7 апреля) были даны ссылки на 67 акафистов, в 2004 г. – на 59, в 2005 г. – на 78, в 2006 г. – на 22, в 2007 (данные на 14 ноября) – на 38 церковнославянских акафистов. Даже если считать, что половина представленных здесь акафистов – это тексты, написанные много лет назад, но лишь недавно появившиеся в Интернете, то все же, думается, представление о порядке величин эта статистика дает. Логично предположить, что чем дальше, тем большую долю в обновлениях сайта составляют именно новонаписанные

тексты. Таким образом, ежегодный прирост корпуса акафистов можно осторожно оценить приблизительно в 30 текстов.

Нетрудно подсчитать, что, если к концу 2007 г. у нас будет, к примеру, 660–670 акафистов, то (при сохранении текущих тенденций) лет через 11–12 (а может быть, и существенно раньше) это число может увеличиться наполовину, перевалив за 1000 (при этом окажется, что большая часть акафистов написана в XXI в.). Вполне очевидно, что скорость написания новых минейных служб существенно ниже, а такие богослужебные книги, как, например, Триодь и Октоих, и вовсе имеют закрытую структуру и, следовательно, не могут увеличивать свой объем.

Таким образом, даже не касаясь вопросов богословской значимости и языковой приемлемости акафистов, мы вынуждены признать, что игнорировать наблюдаемый в последние годы всплеск акафистографии более невозможно – так же, как невозможно считать маргинальными тексты, появляющиеся ежегодно десятками.

§ 3. Акафисты как лингвистический источник

Широкое использование акафистов в храмовом богослужении, равно как и высокая скорость прироста текстов этого жанра побуждают нас обратить пристальное внимание на акафисты как источник по церковнославянскому языку. В самом деле, именно в акафистах находят отражение представления современных православных носителей русского языка о норме церковнославянского языка. Массовый характер «производства» новых акафистов дает основания надеяться, что в результате анализа этих текстов мы сможем получить достаточно полную и объективную картину особенностей современного церковнославянского языка.

Впрочем, здесь следует различать два типа изданий и, соответственно, два типа языкового сознания. Первый тип изданий – это ранние стадии бытования нового текста, вмешательство профессиональных редакторов здесь либо отсутствует вовсе, либо сведено к минимуму. В подобных текстах находят отражение «наивные» представления о церковнославянском языке, для которых

характерны как обилие банальных ошибок, так и немалое число гиперкоррекций. Напротив, в тех изданиях, которые представляют собой продукт деятельности ведущих православных издательств обеих столиц, мы можем выявить представления о церковнославянском языке, характерные для редакторов («справщиков»). Иные из этих текстов также не свободны от ошибок; однако в подобных изданиях выражается, в частности, позиция редактора относительно целесообразности сохранения специфических (в сравнении с русским литературным языком) церковнославянских языковых элементов и, соответственно, допустимости проникновения в церковнославянские тексты элементов русского языка. Очевидно, что и наивное, и профессиональное видение церковнославянского языка представляет немалый интерес для исследователя современного состояния богослужебного языка Русской Православной Церкви.

* * *

Из вышеизложенного можно, как нам представляется, сделать следующие выводы: 1) акафисты прочно вошли в современную литургическую практику Русской Православной Церкви, чему косвенным подтверждением может служить присутствие акафистов (и упоминаний о них) в богослужебных книгах и официальных изданиях Московской патриархии; 2) скорость прироста акафистов в настоящее время представляется небывало высокой: в начале XXI в. она составляет несколько десятков (вероятно, порядка 30) текстов в год; очевидно, что результатом этого роста является существенное увеличение доли акафистов в корпусе современных богослужебных церковнославянских текстов; 3) акафист является ценным лингвистическим источником, причем исследователь современной нормы церковнославянского языка имеет возможность получить представление о том, как видится эта норма и наивным, и профессиональным «пользователям» этого языка.

Таким образом, акафисты как особая подсистема церковнославянских богослужебных текстов имеют немалый вес и в функциональном плане, и в исследовательской перспективе.

В заключение приведем мудрые слова профессора Казанской духовной академии Алексея Васильевича Попова (1856–1909), которыми он завершает свою докторскую диссертацию: «При суждении о современном русском песнотворчестве не нужно упускать из виду следующего важного соображения. Усиленное церковное песнотворчество, пусть оно будет богато только в количественном отношении, а не в художественном, указывает на то, что живая вера среди русского народа еще не погасла, что молитвенное чувство русского православного христианина еще живо, если оно может диктовать молитвенные песни. А если *русское* молитвенно-песенное творчество еще живо, то в воле Божией дать и Русской Православной Церкви, если не в настоящем, то в будущем времени, великих *русских* церковных песнопевцев, которые создадут на смену слабым акафистов другие, полные духовного величия и священной красоты» [Попов 1903: 632]. Как видим, в наши дни эти слова постепенно начинают сбываться.

Литература

1. Киприан (Керн), архим. Литургика. Гимнография и эротология. – М., 1999.
2. Попов А. Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода. Церковно-литературное исследование... – Казань, 1903.
3. Саблина Н. П., Губарева О. В. От всех предел земли наша // Акафисты русским святым. Т. 1. – СПб., 1995. – С. 3–21.
4. Филарет (Дроздов), митроп. Замечания на письмо архимандрита А. о разностях между церквами Греческою и Российскою (1859 г., 6 мая) // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Т. 4. – М., 1886. – С. 397–409.

Обозначения источников

АРС – Акафисты русским святым. Т. 1–3. – СПб.: Титул, 1995–96.

ВБГР – «Воскликните Богу гласом радования» / Сост. А. Трофимов. – М.: Паломник, 2007.

- Пасс. – Пассия, или Чинопоследование с акафистом Божественным Страстем Христовым. – М.: Издательство Московской патриархии, 2000.
- ПМ – Православный молитвослов и Псалтирь. – М.: Издательство Московской патриархии, 1980.
- ПС – Псалтирь следованная. Ч. 1. – М.: Донской м-рь, 1993.
- РНН – «Радуйся, Невесто Невестная!» / Акафисты Божией Матери. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2002.
- ТП – Триодь Постная. Ч. 1. – М.: Издательство Московской патриархии, 1992.
- Требн. – Требник. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002.
- ТЦ – Триодь Цветная. – М.: Издательство Московской патриархии, 1992.

Примечания

- ¹ Впрочем, есть и противоположная точка зрения [Саблина, Губарева 1995]. И надо признать, что основана она на близком знакомстве с текстом акафистов и вдумчивом их прочтении.
- ² Каждый конкретный акафист может быть сколь угодно сильно русифицирован; однако налицо намерение создать именно церковнославянский текст.
- ³ Отметим, что святитель Филарет Московский, который в целом весьма прохладно относился к рассматриваемому жанру, акафист Иисусу Сладчайшему оценивает высоко: «Акафисты Иисусу Сладчайшему и Божией Матери употребляются в правиле приготовления к причастию святых таин, и кроме сего в монастырях, по особенному правилу, и в домах по усердию. На все сие нет нужды жаловаться. Акафисты сии исполнены духа молитвы, умиления и любви, и изображением таинства воплощения вводят в благоговейное размышление» [Филарет 1886, 403]. Как видим, помимо положительной оценки текста со стороны богословия и аскетической практики, святитель указывает как на нормальное явление широкое использование акафиста Иисусу Сладчайшему в келейной молитве.
- ⁴ Более адекватным представляется термин *оказиональное* (соответственно, для «общественного» – *регулярное*) богослужение.